

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

Puhvel Jaan. Hittite Etymological Dictionary. Vol. 1. Words beginning with A. Vol. 2. Words beginning with E and I (Trends in linguistics. Documentation 1. Ed. W. Winter), B. etc.: Mouton Publishers, 1984, XXII+504 с.

Рецензируемые первые два тома (посвященные словам с начальными а-, е-, і-) нового этимологического словаря хеттского языка Я. Пухвеля, изданные вместе в одной большой книге с общей нумерацией страниц, представляют собой заметное явление в индоевропейской этимологической литературе. Словарь построен как историко-этимологический словарь типа латинского Эрну—Мейе. В каждой статье дается значительное число контекстов употребления слова в хеттских памятниках разных жанров, причем использованы все основные их публикации, включая и новейшие (таблички, открытые недавно в Машате и т. п.). Обращено внимание и на грамматические особенности использования слов (такие, как, напр., партитивная оппозиция, quasi-эргативные конструкции и т. п.). В особенности детально Пухвель касается филологических и культурно-исторических аспектов, связанных с исследованием семантики хеттских слов. В словаре (и в предыдущих публикациях Пухвеля, в нем подытоженных) дан целый ряд новых этимологий.

Весьма интересны наблюдения относительно лексических изоглосс, объединяющих хеттский (и другие анатолийские) с отдельными индоевропейскими диалектами. Принимая вслед за Махком сближение хетт. *antara-* 'синий, голубой' с чеш. *modry*, польск. *modry*, с.-хорв. *modar*, возводимыми к **ṛd(h)ró-* (с. 78), Пухвель видит аналогичный суффикс как в **rudh-ró-* > слав. *ръдръ* ('красный'; к значению 'руда' в славянском добавим в качестве семантической параллели еще возможное сближение хетт. *miti-* 'красный': слав. *měď* 'медь'), так и в хетт. *afešara-* 'белый, блестящий': ст.-слав. *искъ*, искра, слав. *(*j*)*ьskra*, лит. *aiškus* 'ясный' (с. 207). К общим хетто-балто-славянским синтаксическим словам Пухвель относит хетт. *a-* 'но': лит. *o* 'но': ст.-слав. *а* (с. 10), но значение последнего элемента в ранних славянских текстах (в частности, древнерусских) в начале предложения отнюдь не только противительное, что возможно и по отношению к некоторым из цитированных в словаре древнехеттских текстов. Из хетто-балтийских лексических изоглосс, недавно ставших предметом особой работы Пухвеля¹, стоит особо отметить соотношение хетт. *alp-ant-* 'слабый, мягкий, в обмороке', *alpu-* 'гладкий': лит. *alpūs* 'слабый' (хеттский антоним *dampu-* 'острый' сравнивается с слав. *tqъ 'тупой'), где соотношение суф. *-nt-*: *-u-* напоминает архаический гетероклитический тип. В связи с предложенным в словаре сближением хетт. *išpar-* 'расширять, распространять, расправлять (крылья), ст.-слав. *паритъ* (с. 447) отметим, что глаголы на *-i-* в славянском регулярно соответствуют хеттским типа *išpar-aḥḥi*. К сожалению, Пухвель не использовал новой литературы о лит. *arvas* 'свободный', вопреки всем сомнениям (с. 121) связанном с хетт. *arawa-*, лит. *arawa-* 'свободный, освобожденный', ср. также ст.-слав. *равнь* 'равный'²; для определения значения хетт. *arawa-* существуют приводимые в словаре (с. 254—255) контексты, из которых видно, что оно означало свободу или освобождение в широком смысле: не только от повинностей, но и от болезней. При рассмотрении *iyatar* 'рост', правильно связываемого с *iyā-* 'идти', следовало бы учесть суф. **-dh-* в балтийских и славянских производных от родственного глагола; соответственно от-сутствии ассимиляции в род. п. *iyatn-aš-* может объясняться не изоляцией от парадигмы (с. 352), а как закономерное продолжение **-dhn-* > хетт. *-tn-*. Заманчивым представляется возведение хетт. *aulli-* 'селезенка,

внутренние органы' к тому же корню, что и индоевропейское название 'селезенки' (с. 232); в этом случае развитие $*w > *b$ напоминало бы то, которое предложено (в связи с хеттскими данными) для названия 'яблока'. Если реконструкция $*(H_2)w\bar{l}-\bar{g}h$ -верна, то дальнейшие преобразования могут объясняться с помощью $*s$ -подвижного и в таком случае можно было бы говорить о серьезном продвижении в исследовании этого этимологически трудного слова.

По поводу пары приставочных глаголов *ui-*: *pai-* недостаточно указать на параллелизм с рус. *уйти*: *пойти* (с. 330), но надо было бы отметить обратное распределение их значений ('приходить': 'идти'). Хетт. *istalak-* 'выравнивать' лучше соотносить не со ст.-слав. *стѣлати* (с. 452), а (при допущении *s*-подвижного) со ст.-слав. *тълкъ* 'толку', ср. контексты, где в хеттском говорится о разравнивании глины (с. 404, 451): *purat šer išhuwai* цу *istalakzi* 'глину (она) разливает и выравнивает (=толчет)'. Предложенное Пухвелем выделение в *alk-ista-* 'ветвь' (через праформу $*H_2(e)l(o)\bar{g}-$ > греч. *ὀλόγ-ινον* 'ветвистый', сопоставленного со ст.-слав. *лѡза* и, добавим, следовательно с родственными иранскими терминами: парф. *r(a)z* 'виноградник', ср.-перс. *raz* 'виноградная лѡза') суф. *-ist-* (с. 36) позволяет предложить сравнение со славянскими производными на *-ist-* типа рус. *вѣтѣ-истый*, *развѣс-истый* и т. п. Кажется возможным соотносить хет. *addu* 'далее' (в начале или конце предложения, с. 288) со ст.-слав. *стѣ*.

Обосновываемое автором вслед за Ларошем сближение хетт. *arkuw-ai-* 'просить, объясняться', *arkuwar* 'иск, прошение' с лат. *arguo* 'доказывать', *argumentum* 'доказательство' (с. 150) может быть интерпретировано и как след древнего гетероклитического имени на $*-u/m-r/nt-$ от $*r_g^{w-}$ с возможным следом древнего чередования $*-u/-m-$ (после $*-u-$) в латинском. Пухвель не дает исчерпывающих библиографических справок, считая, что полезную работу в этом отношении делает параллельно выходящий словарь Тишлера. Словарь же Пухвеля отмечен печатью глубоко индивидуального (часто граничащего с субъективным) подхода к хеттской лексике. Пухвель предлагает много собственных этимологий, часть которых была им более подробно обоснована в большой серии хеттологических и индоевропейстических статей (его статьи, изданные до 1977 г., недавно собраны в отдельном томе³). Если словарь Тишлера Пухвель справедливо упрекает в библиографической комплиментарности, то самому Пухвелью можно предъявить подчас обратный упрек в излишнем стремлении к оригинальности во что бы то ни стало. Это проявляется, в частности, в оспаривании им многих несомненных и уже общепринятых этимологий, например, таких слов, как *anašša-* (Пухвель отвергает значение 'анус', ссылаясь на хетт. *arra-*, означающее, однако, не 'анус', а 'зад, круп лошади'; оба слова имеют очевидные индоевропейские этимологии) и некоторых других названий частей тела (с. 140), *aku-* 'пить' (в отношении этого слова, но не других, как *ak-* 'умереть', Пухвель превеличивает роль несдвоенного написания в неитеративных формах при сдвоенном в итеративных типа *akkušk-*, на чем и строилось отвергаемое им сближение с лат. *aqua* 'вода'), *ep-* 'хватать' (отрицание связей с соответствующими глаголами в других языках у Пухвеля произвольно), *ešša-* 'хозяин' (отвергается несомненная связь с лат. *erus* 'хозяин'). К сожалению, как подобные отрицательные суждения, так и некоторые собственные новые этимологии, подчас очень гипотетические, формулируются с редкой категоричностью.

К числу гиперкритических суждений можно отнести замечание о невыясненности первоначальных форм сопоставленных еще Педерсеном хетт. *imta* 'напротив' и лат. *immo* при исключительном сходстве их употребления. Кроме указанных в словаре контекстов в классической латыни, напоминающих хеттские (с. 361), следует отметить и аналогичные конструкции у Плавта, напр. *Pseud. 495 numquid, Simo, peccatumst? immo maxime*.

Неудачна реконструкция праформы хетт. *išpant-* 'ночь'; отрицание наличия в этом слове суф. *-nt-*, находящего в хеттских названиях 'года' и трех времен года, основано лишь на отсутствии в хеттском, но не в других языках (ср. др.-инд. *kṣap-*) форм без этого суффикса (с. 435). Следует учесть

и такие точные семантические параллели с тем же суффиксом, как нем. *Abend*. Вместе с тем, для окончательной реконструкции фонетического облика слов и соотношения его с такими родственными словами, как ст.-слав. вечерь, необходимо учесть гипотезу В. М. Иллич-Свитыча⁴, на работы которого (как и на многие другие книги на русском языке) в словаре ссылок нет.

В некоторых случаях кажутся проблематичными суждения о чередованиях гласных в глаголе (с. 241, 243), и это связано с недостаточной ясностью исходной грамматической реконструкции, как и попытки восстановить парадигмы некоторых глаголов (с. 329, 335) без учета ряда новейших исследований (Бадер и других авторов), показывающих, в частности, древность тематического типа (вопреки сказанному на с. 365, 409).

К типу образования *ekuni-ima-* 'холод' кроме *hahl-imma-* 'желтизна' (с. 258) в качестве параллели стоило привести *lalukk-ima-* 'теплота, лучезарность'. Форма инфинитива *akuna* (с. 265), написанная один раз на краю таблички, может быть не собственно хеттской (в отличие от частного *akuwanna* 'пить'), ср. пал. *ahuna*. Форма на *-nt- išhan-ant-š* 'кровопролитие' скорее всего не отложительный падеж (с. 309, 477), а древнее активное (*quasi*-эргативное) производное, родственное в конечном счете причастию на **-nt-*.

Ряд вопросов возникает при размышлении о самом жанре историко-этимологического словаря и способов его составления. Пухвель сознательно уклонился от ставшего в последнее время возможным разделения хеттских текстов на древние, среднехеттские и новохеттские. Прямых ошибок, с этим связанных, в словаре мало, хотя отнесение цитаты из среднехеттской молитвы Кантуцилия KUB XXX IO к древнехеттскому на с. 218 (но не в других местах, где цитируется та же молитва) производит впечатление неряшливости. Но автор не делает подчас необходимых выводов из приводимых им же древнехеттских форм. Так, др.-хетт. дат. п. ед. ч. *eš-še* 'хозяину' (с. 385) исключает гадания на тему, какой из двух возможных вариантов вокализма (*iš/a-*, *eš/ha-*) следует предпочесть: др.-хетт. *e* всегда первичнее, чем *i*. Пухвель не успел использовать результаты новых исследований, доказавших, что в древнехеттской орфографии *Pleneschreibung* был способом обозначения ударения (тона). Поэтому многие из его рассуждений, например, о происхождении написания **ara* (с. 121), по-видимому = *ara*, или *e-eš-šar* (не *eššar* с. 306—313, а, вероятно, *eššar*) уже не соответствуют современному уровню знаний. По этой причине неверно все фонетическое рассуждение об этимологии хет. *iya-* 'идти, двигаться' (с. 334). Остается неясным, как и по какому принципу подобраны многочисленные примеры из разных текстов, составляющие основное содержание большинства словарных статей. В тех отдельных случаях, где Пухвель, опираясь на новейшие филологические работы по отдельным текстам, дает уточненное значение слова, в полезности такой работы (хотя иной раз при обилии начальных выпусков хеттских словарей не выходящей за пределы ученой компиляции) нельзя усомниться. Но как значения лексемы, выявляемые в текстах, помогают этимологизированию? В словаре не раз проскальзывает выражение «основное» значение, которое по Пухвель важно и для этимологии (с. 418). Но как соотносятся архаические (пержиточные) значения и более новые? Не привима сравнения хетт. *iwar* 'как' с др.-инд. *iva* 'как', Пухвель утверждает, что «постпозиционное употребление явно предшествует союзному» (с. 500), но это остается недоказанным. Диахроническая реконструкция особенно сомнительна в словарных статьях, посвященных относительным древнехеттским именам существительных типа *arrai* 'тыльная сторона', которые в новохеттском языке на позднем этапе фигурируют как послелого. Наличие архаических производных типа *arpizzi(ya)-* 'задний, нижнего ранга' (с суф. **ižo*, с. 92—94, в двух взаимосвязанных древних значениях — пространственном и социальном, на связи которых Пухвель не останавливается), *arrai-* 'закончить(ся)' (с. 95) может быть объяснено только тем, что *arrai* в древнехеттском еще функционировало не как наречие-послелог (как полагает Пухвель), а как имя существительное, что доказывается и синтаксически. Пухвель не поставил перед собой задачи последовательного отбора и иллюстрирования тех именно

значений и употреблений, у которых высокая вероятность быть унаследованными от более древнего состояния. Например, при множестве примеров на употребление хетт. *ešša-* 'господин' не приведены ключевые цитаты, определяющие использование слова по отношению к хозяину раба, а также богу (из молитв во время чумы); тогда сопоставление с *erūs* в архаической латыни (скажем, у Плавта) стало бы очевидным (что явно не входило в круг интересов Пухвеля, вообще отвергающего это сближение на том странном основании, что это «тематическое корневое существительное, не сводимое к глагольному корню», с. 389; разве таких мало?) Для хетт. *natta ara* 'табу; не положено' (с. 118) не указано древнейшее употребление в связи с запретом инцеста в мифе о царице Канеса и городе Цальпа. Хеттские контексты, для которых явно можно было бы восстановить индоевропейские праформы, не всегда выделены и не отмечены. Так, на с. 399 приведена формула *nutu-ššan. . . iukan išhaišten* 'и вы на меня наложили. . . ярмо', которая вся допускает возведение к и.-е. **n(e)u-m(u)-som *iugom *isH-*. Напротив, отрядное исключение представляют наблюдения Пухвеля о сходстве хеттских и индо-иранских конструкций с глаголом **r-sk-é-* > хетт. *ar(a)sk-* 'приходить' с обозначением места направления (с. 111), о сходстве хетт. ^{GIS}*NÁ išpar-* 'расстелить постель' с употреблением родственных глаголов в греч. *λέχος σπορέδαι* и лат. *lectum sternere* (с. 445).

Индоевропейским могло быть сочетание *itar da-* 'взять путь', которое может и не объясняться калькой с аккадского (как думает Пухвель, с. 494). Никак логически нельзя объяснить, почему для хетт. *innara-want-* 'сильный, имеющий мужскую силу', сочетающегося с обозначением спермы (*tuwa-*), Пухвель предполагает исходное «сексуально нейтральное значение» (с. 372, 373), что нужно и для обоснования недоказуемого тезиса о том, что значение греч. *ἀνήρ*, вед. *nar-*, арм. *ayr*, оскск. *per-* является «диалектным» (обычно греко-арийско-италийские сходства указывают на общиндоевропейский возраст явления, в них продолжаемого).

Удачным, напротив, представляется исследование семантических соотношений в пределах тесно связанной микрогруппы слов: *arr-* (родственно тох. *yār-*) является общим термином для мытья, тогда как *warp-* 'умываться, купаться' относится к одушевленным предметам; о богах (их изображениях) и в некоторых случаях о конях можно говорить посредством обоих глаголов (с. 115), противопоставление которых в этих случаях снимается.

Исключительно интересна форма *alalamniya-* 'громко звать', засвидетельствованная (всегда) с итеративным суф. *-šk-*; вероятно, это не гаплогония (с. 27), а пережиток времени, когда с этим суффиксом были синонимичны редуцированные основы, соответственно в данном слове удаивалась основа с начальным гласным, как в иерогл. лув. *atimai-* 'имя', греч. *ὀνομαζέω* 'звать по имени' и т. п.; эта древняя особенность пережиточно сохранена в данной хеттской форме.

К некоторым из рассмотренных в словаре слов приводятся параллели из других анатолийских языков древних (лувийских — клинописного и иероглифического — и палаяского) и поздних — античного времени (ликийского, лидийского). Однако реконструкции, даже когда они даются как бы для общеанатолийского, почти исключительно основаны на хеттском материале. Например, принятая Пухвелем вслед за Ларошем и Бенвенистом древняя парадигма указательного местоимения **e/o-* > др.-хетт. *e-/a-*: вин. п. ед. ч. **-u/-u-n*, мн. ч. *-u-š* (с. 5—7) ничем не подтверждается в других анатолийских языках, где в вин. п. везде выступает **-a-* < **e/o*, а не **-u-*. Разумеется, в хеттском этимологическом словаре и нет нужды всякий раз обсуждать возможности общеанатолийской реконструкции, но вероятно стоило бы в таких случаях оговорить отличие хеттского от других древних индоевропейских языков М. Азии. Иногда это в словаре делается, но не последовательно: верно указание (с. 9), что хетт. *-(y)a* 'и' (энклитический союз, родственной тох. *A-yo* 'и' < и.-е. **yo-*, местоимение и союзная частица) исторически отлично от лув. *-ya* (та же функция), но непонятно, для чего до этого в начале словарной статьи «южноанатолийские» формы приведены (с. 8) вместе с хеттской, им, по словам самого автора, неродственной.

Несомненной заслугой автора словаря является то, что тщательно выделены формы, достоверно или предположительно определяемые как лувийские, в изобилие включавшиеся в хеттские тексты времени Нового царства (14—13 вв. до н. э.), когда население хеттской империи в основном уже говорило на лувийских диалектах, но хеттский продолжали использовать как официальный язык.

Исключительный интерес представляет наблюдение о сходстве употребления хетт. *appa-* 'после, назад' по отношению к будущему с родственным лув. *apparanti-* 'будущее', др.-инд. вед. *aparām* 'в будущем', гот. *afar-* (с. 97, 98), что позволяет наметить тип связи пространственных и временных отношений, выражавшихся этой основой. В отдельных случаях стоило бы отметить и в других хеттских формах явные следы лувийского: так *huḫadalla-* 'дедовский' не только сопоставимо с иерогл. лув. *huḫatali-* (с. 54), но и написано без удвоения интервокального *-h-*, что отличает его от написания хетт. *huḫha-* 'дед' и сблизает с лувийской графической передачей слова. В случае если *anninni-yami-* 'двоюродная сестра или брат' содержит суффиксальное лув. *-m-* и лувийскую основу на *-i-* *anni-*, в этом слове можно предположить лувийское фонетическое развитие **g^h-* > *∅* и тогда его, несмотря на возражения Пухвеля (с. 72), следует сравнить с хетт. *anna-neka-* 'родная сестра'.

Увлекательны выводы Пухвеля о словах, которые отчасти объясняются как ономотопозитические, в частности, о парных сочетаниях со вторым словом, начинающимся с губного *w-*, типа *ayin (u)wayin* 'боль и горе' (с. 13, 14), *aštaš wastaš* 'горе и грех' (с. 219), *aḫuwahḫu (wamin)* (с. 266), в связи с чем по-новому выглядят и этимологии таких слов как *wantai* 'быть теплым' (:*ant-* 'теплый', с. 12), *wappuzzi* (:*appuzzi* 'жир, сало', с. 103), а также лув. *wašḫa-*: хетт. *ešḫa* 'господин'; лув., пал. *wašū-*: др.-инд. *vasu-*: хетт. *aššu-* 'хороший' (с. 204), а также возможно и много раз обсуждавшееся др.-инд. *Varuṇa-* 'Варуна, бог вод': хетт. *aruna-* 'море, бог Океана'. В общелингвистическом плане стоит соотнести парные сочетания типа лув. *aḫran waḫran* с аналогичными парами, где второе слово начинается с *m-*, что на материале многих языков мира исследовалось уже, в частности, в связи с хетт. *Suḫili Muḫili*⁵ (парные имена божеств, ср. D*Atammira* D*Watammira*, с. 14).

Из многократно обсуждавшихся коневодческих терминов детально рассматривается *aššuššanni* 'коневод', для которого предполагается семитский источник (с. 223), однако более вероятно непосредственное сближение с др.-инд. *aśva-sā(-rathya)* 'искусство коневодства (и колесничих)'.

Отмечены любопытные хетто-греческие изолексемы: хетт. *iškuna-(ḫḫ)-* 'запятнать, унизить': греч. ἀσχυῶν 'обесчещиваю'. Часть форм, общих для хеттского и древнегреческого, с основанием истолковывается как общие заимствования: хетт. *aimpa-* 'вес, тяжесть', греч. ἴσος 'тяжесть', ἰσφείς, βλαφείς у Герасихия (с. 15); ср. хетт. *iškiš* 'задняя сторона', греч. ἰσχίον 'бедро' (с. 425). Давнее предположение о том, что гом. ἰχῶρ 'кровь богов' восходит к хетт. *išhar* 'кровь' (с. 313), можно было бы поддерживать ссылкой на тексты, где речь идет о божествах крови (*išhanaš*, с. 305). Из вероятных ономастических элементов в греческом, сопоставляемых с анатолийскими, особый интерес представляют имена бога дорог и путешеский *Ἐρμῆς* в сопоставлении с хетт. *armizzi* 'мост' при греч. ἄρμας 'гавань' (с. 161) и особенно сближение Ἀσκληπιός, имени Аскления, божества, связанного с кротами, и хетт. *ašku* 'крот(?)' (с. 216); предполагаемые Пухвелом мифологические хтонические представления, связанные с землеройками, для Малой Азии свидетельствуются начиная с Чатаал-Гююка. Интересны сопоставления с греч. Ἴπτα, указанные в связи с хетт. *ipri(y)a-* 'виноград, вино', но это слово является скорее всего не местным малоазийским (с. 378), а производным от и.-е. **po(H)i-* 'пить', ср. *išhiya-* 'связывать': **sH(o)i-* и т. п.

Хетт. *NINDAḷabaššiš* едва ли объяснимо на собственно анатолийской почве (с. 39); скорее в нем надо видеть одно из отражений того миграционного термина, которое сохранилось в закавказских названиях лаваша: тогда как древняя его форма вероятно связана с хатт. *pulašne* 'хлеб';

с другим ю.-кавказ. миграционным названием 'хлеба' сопоставимо *ampura-*, как верно замечает Пухвель (с. 51), оба слова связываются и с топонимами.

Хетт. *alta-nni*- 'источник' правильно связывается Пухвелем с хурритским, но в таком случае суфф. *-nni*- следует считать не индоевропейским (с. 43), а хурритским постпозитивным артиклем (такое же объяснение нужно принять и для *arma-nni* 'украшение в форме полумесяца', с. 152). Напротив, если *aruzzi-* 'склад' связано с хурритским или аккад. *abūsu* (то же значение), то нуждается в разъяснении суфф. *-uzzi*, для которого предполагается обычно, в том числе и в слове-омографе (с. 104, 61), собственно хеттское происхождение: позднейшее уподобление этому суффиксу нуждалось бы в изучении.

Проблематичным остается вопрос о том, в какой мере целесообразно по отношению к хеттскому языку с его явной архаичностью оставаться всегда только в пределах индоевропейских языков, не привлекая других ностратических. Так, загадочная форма хетт. *aiš* (в косвенных падежах *iš-*) 'рот' при лат. *ōs*, др.-инд. *ās-* (с. 17) несколько проясняется при сопоставлении с тюрк. *aγiz*. Ностратические параллели могли бы помочь в разъяснении начального *išt-* при **s(t)-* в родственных индоевропейских языках (с. 471, 477).

Сравнение (генетическое или ареальное) с картвельским кажется необходимым при интерпретации хетт. *eḫurati* 'затычка' (с. 253), *ištama-lyra* 'серьга' (с. 451), ср. груз. *q'ur-i* 'ухо'. Хетт. *akkala* 'борозда', как и арм. *akaws* (с. 23), может быть древневосточным заимствованием, ср. аккад. *eḫlu* поле, *sṭ. constr. eḫel*.

Гипотеза о туземном происхождении хетт. *aška* 'ворота' (с. 215) подтверждается сравнением с хаттским и северокавказским ⁶. К хаттским заимствованиям надо отнести и *kaša* 'вот', ошибочно связываемое в словаре с *ka-* 'этот' (с. 217). Из слов, для которых Пухвель предполагает «туземное происхождение», возможны северокавказские этимологии для *enera-/inira-* 'бровь' (с. 272), ср. тинд. *inser* 'бровь' (с особым отражением начального латерального: авар. *λenser*), где в хеттском можно предположить след языка с исчезновением сибиллянтов.

Для *ak-* 'умирать', не имеющего анатолийских соответствий, но все же возводимого и Пухвелем к индоевропейскому (с. 22), возможная северокавказская этимология (лакск. *iku*) предложена Вагнером в недавней книге⁷, представляющей полезное противоядие против преувеличения роли собственно индоевропейских архаизмов в хеттском. Замечание Пухвеля о том, что *ateš(ša)-* 'молот, топор' несмотря на наличие древнеанглийской параллели может быть миграционным термином (с. 228), можно конкретизовать сравнением с багв. *āžit* 'топор', ахвах. *āžittité*, андийск. *anzidi* (в этом случае пришло бы предположить метатезу того же типа, что в хетт. *apiši-* < *asipi, с. 102). Из других хеттских слов, для которых Пухвель вслед за устоявшейся традицией ищет (не всегда удачно) индоевропейские этимологии, но объясняемых в последнее время из северокавказского, можно отметить *arḫa-* 'граница' (с. 135), сопоставляемое с авар. *ʿorqī* 'граница' и праандийским словом с тем же значением ⁸. Напротив, для некоторых слов, которые по чисто семантическим основаниям определяются как заимствованные из туземных языков М. Азии, можно указать индоевропейские этимоны: так, во второй половине хетт. *illuy-anku-* 'змея', описываемого как «автохтонное» слово (с. 359), вероятно индоевропейское название 'змея'.

К числу досадных культурно-исторических неточностей относится утверждение, будто хетты в историческое время ничего не знали о северном побережье Анатолии (с. 181). Напротив, на нем был расположен город Цальпа, с которым связаны существенные эпизоды мифологической и реальной истории Древнехеттского царства (к не вполне ясной форме *Zalpa-r*, образованной от названия этого города в богазкёйском аккадском, ср. любопытную пропорцию на с. 297).

Часть сделанных замечаний сопряжена с быстрым темпом развития хеттологии, отчасти превосходящим скорость печатания. В целом же книга хорошо оформлена и число досадных погрешностей невелико.

Не вполне ясен перевод ^{DUTU-un D]IM-anna-a āra ier}, означающего, очевидно, 'и они сделали то, что положено, по отношению к (архаичный вин. п. отношения) Богу Солнца и Богу Грозы' (у Пухвеля, с. 118: англ.

бу перед обозначениями богов не проясняет смысла); ошибочен перевод бессоюзного сочетания глагола *paít* (буквально 'пошел', как и переводит Пухвель, с. 277) с последующим глаголом в цитате *ni-za paít URUAlmīna-paí wetummanzi IŠBAT* 'и он тогда начал укреплять город Альмину'; *waštul* по отношению к войску надо перевести 'потери', а не 'вред' ('harm', с. 338); неудачен перевод итератива *akkiškittari* по отношению ко множеству смертей (с. 20, нужно: 'все умирают и умирают'). *Karpu-wantes* 'всего немного, несколько' (с. 80) означает 'считанные' (в том же идиоматическом смысле). Хетт.-хурр. *kišhita* означает не 'кресла' (с. 296), а 'престолы' (заимствование). Ошибочны попытки устранить видовые оттенки в переводе (хеттских) частиц *-ara* (с. 85, 86), как и в подходе к семантике глагольных форм (с. 328).

Неточен перевод хатт. *alip* 'слово' (с. 151), нужно: 'язык', что подтверждает оспариваемое Пухвелем возможное объяснение хетт. *arlip-* как части тела.

Невероятным кажется предположение, обосновываемое и в отдельной статье Пухвеля, о том, что сочетание *eku-* 'пить' с именем бога и вообще с виш. п. им. сущ. нужно переводить 'выпить за, произнести тост'. Как показал еще Форрер, а за ним и другие хеттологи, речь идет о древнем обряде, сходном с причащением.

В тексте словаря содержится много ссылок на следующие части. Остается пожелать скорейшего выхода их в свет, что сделает словарь неотъемлемым пособием для всех компаративистов и хеттологов.

Примечания

- ¹ *Puhvel J. Baltic-Anatolic lexical isoglosses. — Investigationes Philologicae et Comparativae. Gedenkschrift für H. Kronasser, hrsg. E. Neu, Wiesbaden, 1982, 179—185.*
- ² *Топоров В. Н. Прусский язык. Словарь. А—D. М., 1975, 112.*
- ³ *Puhvel J. Analecta Indoeuropaea. Innsbruck, 1981.*
- ⁴ *Иллич-Свитыч В. М. Именная акцентуация в балтийском и славянском. М. 1963, 36, прим. 21, и 114.*
- ⁵ *Friedrich J. Zu den orientalischen Reimwort-bildungen mit m-Anlaut. — Archiv für Orientforschung, 20, 1963, 102; Jakobson R., Waugh L. The sound shape of language. Bloomington: London, 1979, 197, 217. Ср.: Мурдза Джафар. Об искусственном образовании парных слов (Reimwörter). — В кн.: Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера. М., 1900, 311—313; Кримский А. Е. Калач-малач, *kišmīš-mīšmīš*. — В кн.: Розвідки, статті та замітки. Київ, 1928; Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. М. 1962, 133—152.*
- ⁶ *Иванов Вяч. Вс. Об отношении хаттского языка к северозападнокавказским. — В кн.: Древняя Анатолия. М. 1985, 43 (№ 19).*
- ⁷ *Wagner H. Das Hethitische vom Standpunkte der typologischen Sprachgeographie. (=Testi linguistici 7). Pisa, Giardini Editori, 1985.*
- ⁸ *Николаев С. Л. Северокавказские заимствования в хеттском и древнегреческом. — В кн.: Древняя Анатолия. М. 1985, 60 (1-ое слово).*

Вяч. Вс. Иванов

Huld M. E. Basic Albanian Etymologies. Columbus (Ohio), 1984, X+213 с.

В послевоенные десятилетия в албанской этимологии и сравнительно-исторической грамматике наметился определенный прогресс, связанный прежде всего с исследованиями албанского компаративиста Э. Чабея, в частности, с главным его трудом — «Studime etimologjike në fushë të shqipëse» («Этимологические исследования в области албанского языка»). Значительный вклад в развитие албанской этимологии внесен и некоторыми другими